

ЧУЧЕЛО ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Ленинградское отделение издательства «Молодая гвардия» выпустило «Записки о Шерлоке Холмсе» А. Конан-Дойля¹. Стоило ли это делать, нужно ли приближать к молодому советскому читателю детективный жанр буржуазной литературы, хотя бы и в лучших образцах?

Во всяком случае, Шерлок Холмс должен быть показан нашему читателю в своем истинном значении. Нужно объяснить, почему именно Шерлоку Холмсу было суждено стать «образцом» криминально-детективной литературы — пустых и поверхностных повествований о преступлениях и о раскрытии преступлений. Этот жанр в наши дни переживает буйное цветение в англо-саксонских странах, — достаточно сказать, что на его долю приходится половина — половина! — массовой печатной продукции, издающейся в Америке. Из литературы он перекидывается в кино, в театр, его влияние мы обнаруживаем даже в методах литературной критики. И эта агрессия низкопробнейшего жанра знаменательна, она имеет все права на наше внимание, а отсюда понятен и оправдан будет наш интерес к Шерлоку Холмсу,

Конан-Дойль первый нащупал закон жанра. Этот закон — развлекательность, или — лучше заменить префикс — отвлекательность. Увод от действительности — вот секрет жанра. Впрочем, найдется ли хоть один человек, для кого это было бы секретом?

Представьте, нашлись такие люди — и не один, а двое — гг. П. Громов и Б. Костелянец — авторы предисловия к сборнику «Записки о Шерлоке Холмсе». «...Мы получаем довольно полную картину жизни буржуазной Англии конца XIX века, — пишут они, — рассказы помогут читателю книги понять многое в нашем капиталистическом окружении», — так, оказывается,

высока их «познавательная и художественная ценность».

Вы серьезно так думаете, гг. П. Громов и Б. Костелянец? Но в таком случае, вы ставите истину на голову, и надо вернуть ей естественное положение.

«Изобретение интриги потому трудно, что интрига есть ложь, а дело поэта — истина... Дело поэта не в том, чтоб выдумывать небывалую интригу, а в том, чтобы происшествие, далее невероятное, объяснить законами жизни», — так думал русский писатель А. Н. Островский («Русские писатели о литературе», Л., 1939, т II, стр. 77).

Так вот, в том жанре, который облыжно назван известным американским критиком Хейкрафтом «литературой демократии» на том основании, что этот жанр достиг высшего развития именно в англо-саксонских странах, — в детективной литературе «делом поэта» становится не «истина», а «ложь интриги», очищенная от посторонней примеси истины, «законы жизни» подстраиваются в угоду «небывалой интриге». Уже у патриарха жанра Конан-Дойля есть только интрига, все остальное — обслуживающие интригу восковые чучела, бутафория, пружины и проволоочки.

Эта тайна литературной кухни Конан-Дойля как бы символически обнаруживает себя в рассказе «Приключение в пустом доме». Холмс помещает в окне своей квартиры восковую фигуру, изображающую его самого, — как приманку для преступника, который за ним охотится с пневматическим ружьем особого устройства. А так как нельзя было, по словам Холмса, «поставить явную куклу и надеяться, что на эту удочку попадутся такие прожженные и проницательные люди», то квартирной хозяйке поручено подползать к чучелу каждые четверть часа (!) на четвереньках и поворачивать его другой стороной. И выдающийся преступник, первый маршал «Наполеона преступности» профессора Мориэрты, — некий отставной полковник Моран попада-

¹ А. Конан-Дойль, «Записки о Шерлоке Холмсе». Изд. «Молодая гвардия», Л., 1946.

ется на такую удочку, хотя для этого нужно быть невинным младенцем. «Меня удивляет, полковник, что мне удалось весьма примитивным ухищрением провести такого искусного охотника», — заставляет своего героя сказать автор. И этим приемом отводит глаза читателю от собственного действительно примитивного ухищрения.

Как вы думаете, какую позицию должен был выбрать полковник Моран, чтобы стрелять из ружья (хотя бы и пневматического, бесшумного) по человеку, сидящему у окна?

Вы скажете: прежде всего, позицию укрытую; прицеливаться в человека из длинноствольного оружия посреди улицы многонаселенного города? — если преступник не окончательный идиот, он найдет другую возможность. Представьте далее, что в условиях задачи имеется пустующий дом напротив и подоконник противоположного окна обеспечивает еще и упор при прицеливании. Вы с уверенностью утверждаете, что преступник и займет эту позицию? Поздравляю вас — вы бесконечно превзошли пронизательностью гениального, несравненного Шерлока Холмса: он не догадался, он пришел на это место, чтобы полюбоваться из окошка на поимку преступника. Видимо, пораженный до глубины души необыкновенной сообразительностью противника, он говорит своему другу и постоянному спутнику приключений доктору Ватсону: «...Я выбрал себе превосходный пост для наблюдений; но что мой противник выберет себе для нападения то же окно пустого дома, мне и в голову не приходило».

«Многого ли стоит после этого ваша голова», — должен был бы по справедливости ответить на это Ватсон, если бы он не был совсем уже безжизненным чучелом, единственной функцией которого является восхищаться умом своего друга и внушать это восхищение читателю.

Ум и пронизательность Холмса — это только реквизит, обслуживающий интригу: как видите, для сложения сюжета на этот раз потребовалось, чтобы Холмсу и в голову не приходили простейшие вещи.

Этого не замечают авторы вступительной статьи: «Многое в Шерлоке Хол-

мсе оправдывает такой повышенный интерес читателей к нему. Он очень умен, наблюдателен, изобретателен, находчив». Он «истинный сын своего времени, характеризующегося необыкновенным до того развитием естественно-научных знаний...», «у него страсть к точным знаниям», — восхищаются гг. Громов и Костелянец. Оказывается, достаточно было Конан-Дойлю поставить явную куклу и дергать за ниточку каждую четверть страницы, чтобы на эту удочку попались уважаемые критики.

Авторы предисловия невольно воспроизводят здесь имеющую хождение на Западе теорию, будто детективная литература развивает у читателя аналитические способности и логическое мышление, дает пищу уму и т. д. Эта теория возникла, вероятно, в рекламных бюро заинтересованных издательств. Верно как раз обратное: детективный жанр оборачивает своего читателя, старается усыпить в нем способность суждения.

Вот еще несколько нелепостей, — не слишком ли много для одного рассказа?

Отставной полковник Моран, один из главарей организации, на счет которой, по словам Холмса, относится половина из общего числа преступлений в Лондоне, оказывается был — по совместительству, что ли? — также профессиональным шулером, жил нечестной карточной игрой (мы знаем, что недавно он выиграл таким путем двести фунтов на свою долю) и для него исключение из клуба было бы полным разорением. Но где же доход от половины лондонских преступлений? Или же, при чем смертоносное, ужасное, таинственное орудие — «пневматическое ружье» в руках клубного шулера? А самое «пневматическое ружье», стреляющее револьверной пулей с силой, превышающей силу пороховых газов, — это в каком же отношении стоит к «точному знанию»?

И авторы предисловия еще находят возможным писать: «Преступление в той форме, которую показывает Конан-Дойль, достаточно типичное явление для буржуазного строя».

Опять-таки верно обратное: не бывает ни таких преступлений, ни таких преступников. Типичное для буржуазного строя

преступление детективная литература не покажет, потому что это значило бы показать преступление в его обусловленности буржуазным строем.

Неужели можно видеть «раскрытие внутренних пружин буржуазного общественного строя» в том, что у Конан-Дойля преступления совершаются «в погоне за пенсами и фунтами»? Будто бы такой уж беспощадный реализм заключен в том, что преступники гонятся за пенсами и фунтами, а не покушаются украсть луну с неба, как гоголевский чорт?

Разумеется, кое-какие отражения действительной криминальной практики (отчасти и методики раскрытия преступлений) попадают на страницы Конан-Дойля. Но закон его поэтики неизменно остается обратным закону реалистического искусства: искажение закономерностей действительной жизни на потребу построения сюжета. Вот почему мы отнюдь не «получаем довольно полную картину жизни буржуазной Англии конца XIX века», — мы получаем нечто, не имеющее права называться «картиной жизни» вообще.

Скажем, в основе сюжета лежит в самом деле встречающееся в буржуазной действительности преступление — подкуп под кладовую банка («Лига Красноголовых»). Высокой концентрации капитала отвечает высокая профессионализация преступления, — такое жизненное обобщение вставало бы у настоящего писателя-реалиста за конкретностью «банковской кладовой» и «подкупа». «Банкир родит бандита — вот что рассказывает нам современная «книга бытия», и это — неоспоримо». Эту четкую формулу мы встречаем в публицистике Горького, а ведь статья («О бесчеловечии»), откуда взята цитата, лишь вскользь касается вопроса о преступности в буржуазном обществе. Конан-Дойль, изображая как раз «банкира» и «бандита», не только не раскрывает перед нами страницу из «современной книги бытия», а запечатывает эту книгу семью печатями собственной вздорной выдумки.

У Конан-Дойля, разумеется, никак не отражено, что подобный подкуп требует почти инженерной квалификации: это могло бы уводить мысль читателя в нежела-

тельном направлении. Нет, функция подкупа у него голо сюжетная и чисто подсобная. В сюжетной схеме подкуп под кладовую банка может быть, в сущности, заменен какой-нибудь подходящей операцией, лишь бы отсюда для преступников вытекала необходимость удалить на время хозяина квартиры, служащей начальным пунктом работ. Они и удаляют его, но каким способом? Рыжеволосый хозяин квартиры получает «номинальную» работу в «Лиге Красноголовых», которую преступники специально придумали, поместили соответствующее объявление в газетах, устроили конкурс рыжеголовых, отвергли тысячи других кандидатов и т. д. Вот этот анекдотический мотив действительно имеет самостоятельное значение, он незаменим в новелле, ради него и написанной.

Один вор прячет украденный им драгоценный камень в еще сырую отливку бюста Наполеона («Шесть Наполеонов»), а другой вор заставляет гуся проглотить тоже украденный драгоценный камень («Голубой карбункул»). Гусь теряется среди партии рождественских гусей, а бюст — среди других бюстов той же серии. В результате начинается погоня за попавшими в разные руки: в одном случае — гусями, в другом — Наполеонами. Может быть, наивный читатель и усмотрит здесь два «преступления в той форме, которую показывает Конан-Дойль, достаточно типичной для буржуазного строя», но на самом деле здесь одна выдумка, однообразно повторенная: гуси выступают в роли Наполеонов, а Наполеоны — в роли гусей.

Авторы вступительной статьи сообщают, что, когда писатель придумал для Шерлока Холмса эффектную смерть, читатель не согласился с этим и потребовал продолжения повествования. Откуда взяты эти сведения о вмешательстве читателя, я не знаю. Но во всяком случае, если такое вмешательство и имело место, оно было совершенно излишним. Неужели, гг. Громов и Костелянец, когда вы читаете рассказ «Последнее дело Холмса», вы верите, что автор всерьез имел в виду проститься со своим героем навсегда? В этом рассказе Холмс несколько раз спасается, будучи на волосок от гибели, и, наконец, в отсутствии

свидетелей, повидимому, погибает. Однако это уж такой закон — детективный герой в огне не горит, в воде не тонет, и пуля его не берет; а мнимая гибель является одним из частных случаев проявления этого закона.

Конан-Дойль делает все, чтобы подготовить возможность воскрешения своего героя из мертвых и продолжения повествования о нем. Он тщательно избегает всего, что могло бы иметь значение непреложного доказательства гибели его героя. Впоследствии, конечно, оказывается, что Холмсу удалось восторжествовать над своим противником, несмотря на наличие у Мориэрти ассистента — уже известного нам полковника Морана. Полковник, повидимому, забыл захватить свое ужасное пневматическое ружье, из которого стреляет без

промаха, — он применит эту сверттехнику против воскового Холмса, а против живого у него нет под руками даже первобытной пращи, когда свертметкий стрелок безуспешно старается попасть в Холмса... камнями. О, будьте совершенно покойны: ни единый волос не упадет с головы Шерлока Холмса!

Зато здравый смысл находится не в столь привилегированном положении и все время подвергается закланию на алтаре жестокого божества интриги, — все приведенное, разумеется, только малая капля из моря.

Авторы вступительной статьи к «Запискам о Шерлоке Холмсе» и сами должны были бы понимать эти вещи и не сбивать с толку своих молодых читателей.

